

15 Мая 1867 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. | Цѣна годовому изданію съ пересылкою ПЯТЬ РУБЛЕЙ СЕР.

I.

МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О переименованіи церковныхъ Совѣтовъ въ приходскія Попечительства.

По указу Его Императорскаго Величества, Литовская Духовная Консисторія слушали отзывъ Господина Главнаго Начальника Сѣверо-западнаго края отъ 9 февраля сего года за № 150, къ Его Высокопреосвященству, коимъ сообщая, что предназначенный бывшимъ Главнымъ Начальникомъ края, Гра-

фомъ Муравьевымъ трехлѣтній срокъ для существованія открытыхъ при церквахъ, губерній: Виленской, Гродненской и Ковенской, церковныхъ совѣтовъ уже истекаетъ, проситъ, не признаетъ ли Его Высокопреосвященство возможнымъ сдѣлать, по соглашенію съ мѣстными Губернаторами, распоряженіе о переименованіи сихъ совѣтовъ въ приходскія Попечительства, съ примѣненіемъ къ нимъ Высочайше утвержденныхъ 2-го августа 1864 года правилъ объ этихъ Попечительствахъ, принять на себя въ тоже время трудъ, согласно 2 и 3 пунктамъ Высочайше утвержденнаго 2 августа 1864 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, испросить въ установленномъ порядкѣ разрѣшеніе на неоходимыя, сообразно съ мѣстными условіями и нуждами приходовъ, измѣненія и дополненія означенныхъ правилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить Его Высокопреосвященству, что Его Сіятельствомъ предложено Гг. Губернаторамъ оказать въ таковомъ преобразованіи церковныхъ совѣтовъ зависящее съ ихъ стороны содѣйствіе и о направленіи за симъ дѣла учрежденія устройства приходскихъ Попечительствъ, сообразно съ изданными на сей предметъ общими правилами и означеннымъ выше мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. На семъ отзывѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 17 февраля за № 307, дана таковая: бумаги, на которыхъ это дѣло основывается, именно: отношенія Митрополита Исидора отъ 7 сентября 1864 года, за № 281, и 25 марта 1865 года за № 33, переданы мною въ Консисторію съ резолюціями отъ 8 октября 1864 и 31 марта 1865 года за №№ 2601 и 864. За симъ, во исполненіе на-

стоящаго требованія Главнаго Начальника края, предлагаю Консисторіи: 1) открытые въ Литовской епархіи на три года церковные Совѣты переименовать въ приходскія Попечительства, вмѣнивъ имъ въ обязанность дѣйствовать въ кругу и на основаніяхъ, предписанныхъ для нихъ въ положеніи Высочайше утвержденномъ; 2) просить отъ имени Преосвященнаго Александра Гг. Начальниковъ Виленской, Гродненской и Ковенской губерній, чтобы они сдѣлали съ своей стороны надлежащія о семъ распоряженія; 3) на основаніи 2-го пункта указаннаго здѣсь Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, просить отъ имени Преосвященнаго Александра тѣхъ же Начальниковъ губерній объ увѣдомленіи, не находятъ ли они нужнымъ, по обстоятельствамъ здѣшняго края, ввести въ положеніе о приходскихъ Попечительствахъ какія-либо измѣненія, и какія именно; 4) тоже самое и на основаніи тогожъ втораго пункта мнѣнія Государственнаго Совѣта предоставить учинить и приходскимъ Попечительствамъ; 5) за полученіемъ увѣдомленій отъ Начальниковъ губерній и представленій отъ приходскихъ Попечительствъ представить мнѣ свое заключеніе о требующихся измѣненіяхъ въ положеніи о приходскихъ Попечительствахъ по представленіи о томъ, куда слѣдуетъ; и 6) о семъ моемъ распоряженіи увѣдомить отъ моего имени Г. Главнаго Начальника края. По справкѣ оказалось: 1) къ Его Высокопреосвященству поступилъ отзывъ Высокопреосвященнаго Исидора, Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго отъ 7 сентября 1864 года за № 281, о томъ, что въ Высочайше утвержденномъ При-

сутствіи по дѣламъ Православнаго Духовенства, составлены были предположенія объ устройствѣ приходскихъ Попечительствъ при Православныхъ Церквахъ и предположенія сіи съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія внесены были въ Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія и утвержденія оныхъ въ порядкѣ законодательномъ. Полученныя за тѣмъ изъ Государственнаго Совѣта: а) удостоенное во 2-й день августа 1864 г. собственноручнаго Высочайшаго утвержденія положеніе о приходскихъ Попечительствахъ при православныхъ церквахъ, и б) Высочайшее повелѣніе объ исполненіи послѣдовавшаго въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія, относительно устройства означенныхъ попечительствъ, Высокопреосвященный Митрополитъ Исидоръ препроводилъ въ копіяхъ къ Его Высокопреосвященству для зависящихъ распоряженій по ввѣренной епархіи, съ приложеніемъ экземпляровъ и для мѣстныхъ губернскихъ присутствій по обезпеченію духовенства. На семъ отзывѣ резолюція Его Высокопреосвященства дана таковая: вмѣстѣ съ тремя печатными экземплярами положенія о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ и особаго Высочайшаго повелѣнія, передается въ Консисторію. Она распорядится о припечатаніи въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ таковаго положенія и Высочайшаго повелѣнія для постепеннаго исполненія, по мѣрѣ возможности и потребности. Она предпишетъ благочиннымъ, чтобы представляли объ учрежденіи приходскихъ Попечительствъ тамъ, гдѣ это окажется болѣе нужнымъ и возможнымъ. Между тѣмъ объяснится дѣло,

какъ совмѣстить настоящія приходскія Попечительства съ церковными совѣтами, учрежденными въ здѣшней странѣ въ видѣ временной мѣры по распоряженію Г. Начальника края отъ 12 іюля сего года за № 3880; 2) Высокопреосвященный Митролитъ Исидоръ отзывомъ отъ 25 марта 1865 года за № 33 сообщилъ, что Высочайше учрежденное присутствіе по дѣламъ Православнаго духовенства, на разсмотрѣніе коего внесено было представленіе объ открытіи въ Литовской епархіи церковныхъ совѣтовъ, приняло на видъ слѣдующее: Высочайше утвержденнымъ 2 августа 1864 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрѣшено епархіальнымъ архіереямъ приступать къ открытію приходскихъ попечительствъ не одновременно, а постепенно и по мѣрѣ удобствъ и возможности. Съ тѣмъ вмѣстѣ, на случай необходимости измѣнить или дополнить правила означеннаго положенія, предоставлено попечительствамъ представлять о томъ епархіальнымъ архіереямъ, а симъ послѣднимъ испрашивать разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, при самомъ изданіи положенія о приходскихъ попечительствахъ, допущена возможность измѣненія и дополненія нѣкоторыхъ правилъ объ оныхъ, соотвѣтственно могущимъ обнаружиться послѣдствіямъ. Принимая за тѣмъ въ соображеніе, что учрежденіе въ Сѣверо-западномъ краѣ церковныхъ Совѣтовъ было предпринято Главнымъ Начальникомъ края въ видѣ временной мѣры, а съ изданіемъ положенія о приходскихъ попечительствахъ, несоотвѣтственно было бы допускать отдѣльное существованіе тѣхъ и другихъ, присутствіе по дѣламъ Пра-

вославнаго духовенства нашло, чтобы предоставлено было болѣе вліянія гражданскому начальству въ дѣлахъ объ устройствѣ и поддержаніи въ Сѣверо-западномъ краѣ Православныхъ церквей, равно и по другимъ предметамъ, отнесеннымъ къ вѣдомству приходскихъ попечительствъ. Вслѣдствіе таковыхъ соображеній присутствіе по дѣламъ Православнаго духовенства, по журналу своему отъ 4 марта того-же 1865 г. полагало сообщить Его Высокопреосвященству, что по уваженію особыхъ обстоятельствъ западнаго края, въ правилахъ о попечительствахъ могутъ быть допущены примѣненія къ мѣстнымъ потребностямъ, и потому не встрѣчается препятствія къ временному допущенію для введенныхъ и вводимыхъ церковныхъ совѣтовъ нѣкоторыхъ изъятій изъ общихъ правилъ, Высочайше утвержденныхъ для приходскихъ попечительствъ, съ тѣмъ, чтобы о тѣхъ изъ сихъ измѣненій или дополненій, для которыхъ, по закону, требуется Высочайшее разрѣшеніе,— еслибъ введеніе таковыхъ по соглашенію гражданской и епархіальной власти признано было необходимымъ—было представлено въ установленномъ порядкѣ. Государь Императоръ, на означенномъ журналѣ присутствія въ 23 день марта, Высочайше соизволилъ написать собственноручно: „Исполнить.“ На семъ отзывѣ резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 31 марта 1865 года за № 864 дана такая: передается въ Консисторію въ дополненіе къ резолюціи моей, отъ 10 ноября истекшаго 1864 года за № 2891, записанной на отношеніи ко мнѣ Г. Главнаго Начальника края отъ 4 ноября,— для надлежащаго исполненія. При-

казали: Съ прописаніемъ выше изложеннаго и приложеніемъ Высочайше утвержденныхъ положенія о приходскихъ попечительствахъ и мнѣнія Государственнаго Совѣта 2 августа 1864 года, послать циркулярные указы всѣмъ благочиннымъ церквей Литовской епархіи, для точнаго исполненія Архипастырской резолюціи Его Высокопреосвященства, записанной на отзывѣ Г. Главнаго Начальника края отъ 9 февраля сего года за № 150, и для скорѣйшаго успѣха въ семъ благомъ дѣлѣ, приложить также нужное количество напечатанныхъ въ вольной типографіи копій съ сихъ указовъ и означеннаго положенія и мнѣнія Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденныхъ, о приходскихъ попечительствахъ, для разсылки таковыхъ всѣмъ приходамъ Литовской епархіи. Г. Вильна. Марта дня 1867 года.

II.

НАГРАДЫ ПО ЕПАРХІИ.

Согласно удостоенію начальства, Всемилостивѣйше въ 3 день февраля сего года, за усердную службу сопричислены къ ордену св. Анны 3-й степени, Гродненскій благочинный Гродненскаго Софійскаго собора протоіерей Антоній Шеметилло, и Шерешевскій благочинный, священникъ Шерешевской церкви Михаилъ Токаржевскій.

За отличную и ревностную службу Святѣйшимъ Сѵнодомъ удостоены возведенія: а) въ санъ архимандрита настоятель Супрасльскаго монастыря игуменъ

Викентій (Журовскій, и б) въ санъ протоіерея настоятель Виленской Св.-Николаевской церкви и членъ Литовской д. Консисторіи священникъ Петръ Левицкій,— и благословенія Святѣйшаго Сѵнода, священникъ Переbродской церкви Дисненскаго уѣзда Павелъ Литвиновскій.

За усердную службу возложены набедренники на священниковъ церквей: 9 января Холхельской Стефана Василевскаго, Забрезской Игнатія Мороза, 13 числа, Дубинской Іосифа Рожановича и 27, Городзиловской Августина Сцѣпуру, Вязынской Михаила Кузьминскаго, Красносельской Василія Гушкевича и Лотыгольской Іосифа Савича; 4 марта; Кердзѣевской церкви Константина Тиминскаго, и 14 мая, Виленскаго воспитательнаго дома „Іисусъ-Младенецъ" Александра Алексѣева.

III.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ НА МѢСТА

и служебныя перемѣны по Литовской епархіи.

Рукоположены: а) въ священники: 12 февраля сего года, діаконъ Рудницкой церкви Николай Гереминовичъ къ Чарнолозской церкви Пружанскаго уѣзда; 26 марта, воспитанникъ Вологодской духовной Семинаріи Аѳанасій Ельцовъ къ Норочской церкви Вилейскаго уѣзда; 2 апрѣля, діаконъ Ильской церкви Фавстъ Лечицкій къ Браславской церкви Новоалександровскако уѣзда, въ помощь тамошнему священнику Кассіану Лечицкому, по приходу; 4 апрѣля,

воспитанникъ Вологодской Семинаріи, Николай Комаровъ, къ новоучрежденной Хвалойнской церкви, Ковенской губерніи Шавельскаго уѣзда. б) въ діаконы: 19 февраля, дьячекъ Остринской церкви, Лидскаго уѣзда, Иванъ Зноско къ тойже Остринской церкви; 19 марта, воспитанникъ Вологодской Семинаріи Иванъ Певговъ, къ Рудницкой церкви, Пружанскаго уѣзда.

Священникъ Дзикушской церкви, Іоаннъ Шеметилло, по резолюціи Его Высокопреосвященства 22 марта, перемѣщенъ къ Замшанской церкви Брестскаго уѣзда, а на его мѣсто переведенъ Щучинскій благочинный священникъ Остринской церкви, Николай Теодоровичъ, съ отчисленіемъ Дзикушской церкви отъ Лидскаго къ Щучинскому благочинію.

Священникъ села Краснаго Вилейскаго уѣзда Василій Гушкевичъ, согласно желанію, по резолюціи Его Высокопреосвященства, перемѣщенъ къ новой Красносельской церкви, устроиваемой изъ латинскаго костела, а на его мѣсто въ с. Красное перемѣщенъ Груздовской церкви священникъ Николай Клодницкій, къ Груздовской же церкви назначенъ священникъ Ушанской церкви Евфимій Кудасовъ, и затѣмъ Ушанская церковь осталась приписною къ новоустроенной Красносельской церкви.

Священники церквей: Рабунской Вилейскаго уѣзда Іоаннъ Орловъ и Голомысльской Іоаннъ Щербинскій перемѣщены, первый 10 марта къ новоучрежденному Воложинскому Іосифовскому приходу на второе священническое мѣсто, а послѣдній 1 марта къ новоучрежденному Сморгоньскому св. Михайловскому приходу Ошмянскаго уѣзда; на первое же священниче-

ское мѣсто при Воложинской церкви, переведенъ 1 марта мѣстный Воложинскій благочинный священникъ Адамовичъ, священническія же мѣста послѣднихъ при церквахъ Рабунской, Голомысльской и Воложинской Параскіевской зачислены вакантными.

IV.

ВѢДОМОСТЬ

о сельскихъ училищахъ, состоящихъ въ приходахъ церквей Литовской епархіи за 1-ю половину 1867 года.

	Въ апрѣлѣ 1867 г.		
	Училищъ	*Учащихся.*	
		Мужеска.	Женска.
По всей епархіи	460	16,377	1,941
Именно:			
а) училищъ, учрежденныхъ Виленскимъ учебнымъ округомъ . . .	40		
б) училищъ, учрежденныхъ духовенствомъ и содержимыхъ мѣстными способами	184		
в) училищъ, учрежденныхъ духовенствомъ и пользующихся пособіемъ отъ Виленскаго учебнаго округа	194		
г) училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ	42		

V.

О ХАРАКТЕРѢ ПРАВОСЛАВІЯ

въ сравненіи съ римскимъ католичествомъ и протестантствомъ.

(Окончаніе).

Впрочемъ не къ меньшимъ крайностямъ приводитъ и преобладаніе Божественнаго элемента въ церкви, что составляетъ по нашему мнѣнію существеннохарактеристическую черту протестантства, къ краткому обзору котораго мы теперь переходимъ. Въ протестантствѣ — по идеѣ — все человѣческое утратило свою самостоятельность; на человѣка здѣсь смотрится какъ на существо слишкомъ глубоко падшее и проникнутое во всемъ своемъ существѣ однимъ грѣхомъ и безсильное совершенно сдѣлать что либо доброе; все, что дѣлаетъ человѣкъ добраго, дѣлаетъ, по воззрѣнію протестантства, собственно не онъ самъ, а единственно благодать, живущая и дѣйствующая въ немъ. По этому все человѣческое, въ какихъ бы видахъ оно ни являлось, въ формѣ ли обрядовъ, богослужебной внѣшности, или постановленій, необходимыхъ для внѣшняго благосостоянія церкви,—вообще всякая форма удалена изъ протестантства и не только въ силу реакціи католичеству, хотя и она играла слишкомъ важную роль при развитіи протестантства, но и по принципу развитія христіанства исключительно съ его Божественной, благодатной стороны, если можно такъ выразиться. Таковъ общій характеръ протестантства! Постараемся теперь разсмотрѣть вкороткѣ главнѣйшія проявленія этого начала.

Суровая іудейская внѣшняя праведность, происходившая изъ полу-пелагіанскаго взгляда католическаго на человѣка, и сознаніе, что посредствомъ нея невозможно спастись, привели Лютера путемъ анализа своего внутренняго со-

стоянія къ тому убѣжденію, что человѣка можетъ спасти одна только благодать и вѣра въ Іисуса Христа не въ предлежательномъ только смыслѣ, но и подлежательномъ. Еще въ то время, когда Лютеръ благоговѣлъ предъ папою, какъ предъ божествомъ и жилъ въ Францисканскомъ монастырѣ, соотвѣтственно съ своимъ живымъ и твердымъ характеромъ, онъ весь отдался суровому католическому аскетизму. Но не смотря на всѣ свои усиленныя молитвословія, бдѣнія, посты, голодъ, какъ онъ самъ говоритъ, и холодъ и т. п., измученная совѣсть его не давала ему покоя. О грѣхъ мой, грѣхъ мой, взывалъ онъ въ отчаяніи, не достигая желаннаго примиренія съ Богомъ, и чувствуя вѣчныя не скончаемыя угрызенія совѣсти (*). Подъ вліяніемъ этихъ своихъ внутреннихъ мученій, которыя производило въ Лютерѣ ни сколько не успокоивающее его исполненіе внѣшней обрядности, безъ искренней вѣры въ Искупителя и упованія на благодатную помощь (**) и подъ внѣшнимъ, современнымъ съ этимъ, вліяніемъ особенно блаженнаго Августина, котораго онъ уважалъ и читалъ всѣхъ болѣе изъ западныхъ Богослововъ (а съ восточными онъ не былъ знакомъ) и котораго считалъ самымъ высшимъ авторитетомъ въ христіанскомъ Богословіи, онъ пришелъ наконецъ къ тому убѣжденію, что человѣкъ весь проникнутъ грѣхомъ, что всѣ дѣла его нечисты, мерзость предъ Богомъ, и въ результатѣ своего послѣдовательнаго развитія пришелъ къ полному отрицанію всякаго

(*) Гусъ и Лютеръ Новикова. Т. І-й стр. 123.

(**) Схоластика, замѣнившая какъ извѣстно собой для католиковъ Библію и Отцевъ, въ большинствѣ своихъ представителей пришла къ заключенію, что человѣкъ при помощи естественныхъ силъ, безъ предварительнаго посредствующаго дѣйствія благодати, можетъ достигнуть соединенія съ Богомъ въ совершенствѣ духовномъ. Лютеръ первоначально во всей полнотѣ раздѣлялъ это мнѣніе, неимѣя никакого понятія о спасительномъ дѣйствіи вѣры. (Тамъ же стр. 209). А на сколько изглажено было это въ католическомъ воззрѣніи на дѣло спасенія, видно изъ того, что когда Лютеръ прочелъ: праведникъ отъ вѣры живъ будетъ, онъ почувствовалъ себя какъ бы возродившимся (стр. 211).

субъективнаго участія самаго человѣка въ дѣлѣ его собственнаго спасенія. „Ты, Господи Іисусе, мое оправданіе, „а я Твой грѣхъ." (*) Наша правда не есть что либо принадлежащее намъ, а Христосъ Самъ, обнимаемый вѣрою въ сердцѣ человѣка, какъ драгоцѣнный камень, вправленный въ перстень (**). Таковъ внутренній процессъ, которымъ дошелъ Лютеръ до того убѣжденія, что человѣкъ, такъ какъ весь—грѣхъ, ничего не можетъ сдѣлать въ дѣлѣ своего спасенія. Богъ Самъ вселяется въ человѣка, обитаетъ въ немъ, просвѣщаетъ его Своею Благодатію и дѣйствуетъ въ немъ, а самъ человѣкъ не болѣе, какъ перстень, въ который вложенъ драгоцѣнный камень. Самая вѣра его, которую Лютеръ исключительно понимаетъ въ смыслѣ увѣренности, что крестная смерть Спасителя несомнѣнно спасаетъ насъ отъ погибели и усвоиваетъ вѣрующему вѣчную жизнь (***), не принадлежитъ собственно самому человѣку. Эта вѣра, гов. Лютеръ, не зависитъ отъ человѣка, но изливается свыше въ его сердце. Это даръ Божій, къ принятію котораго человѣкъ не можетъ предуготовить себя никакимъ усиліемъ собственной воли. Вѣра не есть произведеніе силъ человѣческихъ, но Самъ Богъ творитъ ее въ насъ, потому что Христосъ заслужилъ то своею кровію" (Гусъ и Лют. Т. II-й стр. 143). Такъ глубоко и всесторонне парализировалъ Лютеръ въ своемъ сознаніи все человѣческое и всякую его самодѣятельность въ дѣлѣ спасенія, оставивъ человѣку чисто страдательную роль орудія благодати, дѣйствующей черезъ него. Изъ этого основнаго принципа Лютера, его взгляда на отношенія благодати къ естественнымъ силамъ человѣка, произошло все дальнѣйшее положительное развитіе протестанства.

Прямымъ слѣдствіемъ такого взгляда служитъ отрицаніе добрыхъ дѣлъ, какъ заслуги предъ Богомъ, какъ не-

---

(*) Гуссъ и Лютеръ Новик. Т. I-й стр. 253.
(**) — — — Т. II-й стр. 146.
(***) Тамъ же стр. 148.

обходимаго условія къ усвоенію человѣкомъ совершеннаго Іисусомъ Христомъ искупленія. Дѣла добрыя совершенно излишни; не ими, не своею праведностію человѣкъ оправдывается, а праведностію Христовою. А если христіанинъ и проявляетъ свою вѣру въ добрыхъ дѣлахъ; то они принадлежатъ собственно не ему, а живущей въ немъ Божественной силѣ, которой безусловно подчинена дѣятельность силы его воли. „Всякое дѣло, говоритъ Лютеръ, чадо вѣры, т. е., твореніе Бога живущаго внутри человѣка" (тамъ же стр. 165). По этому дѣла добрыя и не могутъ вмѣняться человѣку въ заслугу. Они суть необходимое проявленіе внутренней жизни человѣка и столь необходимое, какъ необходимо напримѣръ грушевому дереву родить груши или солнцу свѣтить. Но какъ добрыя дѣла не могутъ вмѣняться человѣку въ заслугу, какъ собственно не принадлежащія ему; точно также и его паденія или грѣхи не ведутъ человѣка, оправданнаго Сыномъ Божіимъ, къ погибели и не лишаютъ его царства славы, потому что человѣкъ спасается не добрыми дѣлами. „Богъ Отецъ не видитъ грѣха, который гнѣздится во внутреннемъ человѣкѣ, говоритъ Лютеръ, а видитъ его съ ногъ до головы обрызганнаго кровію Сына. Это риза благодати и святости, въ которой предстанемъ мы предъ Отцемъ не собственнымъ существомъ, а въ образѣ Сына (Гуссъ и Лютеръ Новик. стр. 153). Слѣд. если христіанинъ и грѣшитъ, то это не можетъ ему воспрепятствовать войти въ царство славы. Отсюда—если кто не спасается, то это нисколько не можетъ зависѣть отъ него самаго. Это значитъ, что Богъ не опредѣлилъ его спасти; потому что еслибы опредѣлилъ, то и спасъ бы, вселившись въ него и произведши въ немъ оправдывающую вѣру въ искупленіе и оправданіе праведностію Христовою; если этой вѣры нѣтъ въ человѣкѣ,— а она свыше изливается въ человѣка и есть твореніе Божіе,— то слѣдовательно Богу не угодно были спасти этого человѣка: „если ты, говоритъ Лютеръ,

прилѣпился Христу; ты конечно причисленъ къ сонму предъизбранныхъ отъ начала міра, потому что въ противномъ случаѣ ты не принялъ бы откровенія“ (Гуссъ и Лютеръ Нов. Т. II-й стр. 149). Вѣра въ человѣкѣ не можетъ быть безъ предшествующаго предопредѣленія потому, скажемъ опять, что она, единственное условіе спасенія, нисколько не зависитъ отъ самаго человѣка, а есть дѣло Божіе. Отсюда протестантскій догматъ предопредѣленія къ спасенію и погибели.

Изъ кого же состоитъ церковь, по взгляду протестантства? Ее составляютъ одни только предъизбранные и несомнѣнно спасаемые по силѣ Божественнаго предопредѣленія. По понятію протестантовъ церковь есть общество святыхъ, въ которомъ чисто проповѣдуется Евангеліе и совершаются таинства по заповѣди Спасителя. Выведемъ нѣсколько заключеній, по мысли протестантства прямо слѣдующихъ изъ такого понятія о церкви. Для церкви, какъ общества святыхъ, прежде всего должны оказаться излишними преданіе и богоучрежденная іерархія. И то и другую замѣняетъ непосредственное просвѣщеніе и озареніе вѣрующихъ Духомъ Святымъ, живущимъ въ ихъ сердцахъ и наставляющимъ ихъ непосредственно на всякую истину. Внутреннее помазаніе, по ученію протестантства, учитъ вѣрующихъ всему; къ чему же преданіе, говорятъ протестанты? Самъ Духъ Святый, говорившій чрезъ Пророковъ и Апостоловъ, обитаетъ, всегда присутствуетъ въ душахъ предъизбранныхъ ко спасенію: къ чему же еще внѣшнее руководство преданія въ пониманіи слова Божія, говорятъ протестанты? Какъ предъизбранные Богомъ къ спасенію, святые, изъ которыхъ и состоитъ только церковь, по ученію протестантовъ, не могутъ ошибаться въ пониманіи слова Божія, и какъ озаряемые Духомъ Святымъ, должны подъ буквой писанія понимать именно то, что хотѣлъ Онъ сказать. Для нихъ—далѣе—какъ непосредственно озаряемыхъ благода-

тію Духа Святаго и соединенныхъ со Христомъ, живущимъ въ душахъ вѣрующихъ, оказываются также излишними особенные органы Божественной благодати, чрезъ которые изливается она на всѣхъ вѣрующихъ. „Всѣ христіане, по ученію Лютера, равны предъ Богомъ, всѣ христіане суть священники Бога Вышняго общеніемъ вѣры и таинствъ" (Гуссъ и Лют. Нов. Т. II-й 174). Вслѣдствіе этого іерархія въ церкви протестантской получаетъ значеніе не Божественнаго установленія, а человѣческаго, зависящаго единвенно отъ выбора членовъ церкви.— Далѣе въ церкви протестантской должно было естественно ослабѣть значеніе таинствъ; для святыхъ, изъ которыхъ состоитъ только церковь, достигшихъ еще на землѣ не земнаго человѣческаго состоянія чистоты, живущихъ въ непосредственномъ единеніи съ Богомъ, озаряемыхъ и оживотворяемыхъ внутренно Божественною благодатію, оказываются не столь нужными таинства, какъ внѣшнія дѣйствія или знаки, чрезъ которые таинственно сообщается людямъ благодать; и понимая нѣсколько принципъ протестантства можно удивляться не тому, что въ протестантскихъ обществахъ отвергнуто 5 таинствъ, а тому, что остались: крещеніе и причащеніе. Далѣе—внутреннее единеніе съ Богомъ каждаго члена церкви, какъ понимаютъ это протестанты, дѣлаетъ съ ихъ точки зрѣнія также излишнимъ ходатайство святыхъ предъ Богомъ, а потому и молитвы вѣрующихъ къ нимъ; это значило бы, говорятъ протестанты, представлять Бога Существомъ отдаленнымъ, недоступнымъ для христіанъ, между тѣмъ какъ Богъ живетъ въ самомъ сердцѣ ихъ; къ чему же, говорятъ они, еще посредственныя ходатайства святыхъ предъ Богомъ? Далѣе— такъ какъ церковь есть церковь святыхъ, то, естественно, оказывается не нужнымъ молиться за умершихъ. Наконецъ чуждаясь всего человѣческаго, въ чемъ бы оно ни выражалось, и стремясь единственно къ внутреннему служенію Богу духомъ, протестанты отвергли всю внѣшность католическаго Бого-

служенія, всѣ обряды, и образовали, сообразно съ своими религіозными понятіями, Богослуженіе, назначенное не для людей, а для безплотныхъ духовъ, не нуждающихся ни въ какихъ внѣшнихъ средствахъ къ возбужденію внутренней религіозной жизни и выраженіи ея во внѣшнихъ знакахъ. До такихъ опять крайностей доведено протестантство уничтоженіемъ всего человѣческаго въ церкви!

Но уничтоживши въ человѣкѣ такимъ образомъ всякую самодѣятельность естественныхъ силъ, какъ не способныхъ ни къ чему доброму, какъ проникнутыхъ однимъ грѣхомъ, протестантство на самомъ дѣлѣ,— такова уже сила односторонности и крайности,— дало имъ самую широкую свободу, ничѣмъ неограничиваемую: всякій членъ церкви, какъ озаряемый Духомъ Святымъ, совершенно по своему можетъ относиться къ Божественному началу церкви, сообразно съ своимъ собственнымъ строемъ мыслей понимать и толковать слово Божіе и выдавать это пониманіе за истинное и несомнѣнное, какъ плодъ вдохновенія; такимъ образомъ непогрѣшимость, усвоенная въ римскомъ католичествѣ одному папѣ, въ протестантствѣ предоставляется каждому члену церкви. Слѣдствія этого въ церковномъ ученіи, въ наукѣ, въ частности—въ философіи извѣстны. Разрушительность дѣйствія такого начала оказалась еще при самомъ Лютерѣ, когда его послѣдователи, отдѣлившись отъ него, стали выдавать за Божественныя истины свои собственныя мысли и взгляды, и на нихъ основывать свои общества. Чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему развитію своеволія въ дѣлѣ религіи, Лютеръ самъ прибѣгнулъ къ преданію и издалъ символическія книги, обязательныя для всѣхъ его послѣдователей; но ложное начало было уже положено и церковь протестантская, чѣмъ болѣе переживала времени, тѣмъ все болѣе раздроблялась на различныя общества, одинаково истинныя съ своей точки зрѣнія, и то, къ чему пришелъ Лютеръ, повторялось нѣсколько разъ въ протестантскихъ обществахъ и будетъ повторяться (разумѣемъ стрем-

ленія къ уніи), пока не измѣнится основной взглядъ на отношенія Божественнаго и человѣческаго въ церкви.

Какъ ни коротокъ нашъ очеркъ католичества и протестантства, какъ ни мало мы развили основныя идеи того и другого и ихъ проявленія; все таки и изъ него нельзя не видѣть, что то и другое составляютъ двѣ рѣшительно противоположныя крайности въ усвоеніи человѣчествомъ идеи христіанства: въ первомъ христіанство слишкомъ такъ сказать очеловѣчилось и приняло въ себя много чуждыхъ элементовъ, въ послѣднемъ—начало Божественное—по идеѣ—какъ бы поглотило все человѣческое; въ первомъ—христіанство развилось со стороны формы, внѣшности, администраціи церковной; въ послѣднемъ свергло съ себя всѣ эти наросты и отрѣшилось отъ всякой формы; въ первомъ человѣческій авторитетъ, присвоившій себѣ вслѣдствіе преобладанія страсти религіозную санкцію, замѣнилъ своими собственными положеніями всякую собственную самодѣятельность въ усвоеніи человѣкомъ христіанства; въ послѣднемъ уничтоженъ всякій внѣшній авторитетъ и дана подъ эгидой благодатнаго озаренія полная свобода дѣятельности естественныхъ силъ человѣка, неограничиваемая ни іерархіей, ни преданіемъ. Въ римскомъ католичествѣ христіанинъ является слишкомъ несовершеннолѣтнимъ и потому подъ самой строгой папской опекой, которая прежде проявленія въ немъ духовной жизни даетъ ему готовыя рамки; въ послѣдемъ—онъ пришелъ въ такую мѣру возраста Христова, что свергши съ себя не законную опеку, отвергъ и законную опеку и взялся за усвоеніе себѣ христіанства съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ, внѣ всякой зависимости, опираясь единственно на силы своего духа. Между этими слишкомъ рѣзкими крайностями Православіе занимаетъ истинную средину, чуждаясь односторонностей того и другого. Въ немъ божественное и человѣческое находится именно въ томъ отношеніи, въ какомъ находятся они въ нашемъ Искупителѣ. Въ православіи какъ божественное

остается Божественнымъ, неподавляя собой человѣческаго; такъ и человѣческое, проникаясь и возраждаясь Божественнымъ, остается все таки съ человѣческими свойствами и непридаетъ себѣ высшаго значенія. Православіе примиряетъ или соглашаетъ дѣятельность человѣческихъ силъ съ божественною, всегда себѣ равною и неизмѣнною истиною Божественною, самодѣятельность человѣческую съ покорностію церковному авторитету, свободу, присущую человѣку, съ дѣйствіями на него благодати, форму съ содержаніемъ; короче—въ Православіи Божественное и человѣческое находятся въ отношеніи гармоніи и единства, но безъ смѣшенія и измѣненія ихъ сущностей. Теперь постараемся выяснить это.

Мы уже сказали выше, что церковь есть продолжательница на землѣ таинства искупленія; чрезъ нее Божественое начало должно возродить собой человѣчество, искупить его, проникнуть всего человѣка, со всѣми проявленіями его жизни, христіанствомъ и привести его въ единеніе съ Богомъ, какъ живущее жизнію Христовою. А для этого необходимо, чтобы христіанство было воспринято человѣкомъ внутренно и искренно усвоено имъ какъ начало всякой жизни и дѣятельности; иначе, очевидно, христіанство не можетъ перейти въ жизнь и сдѣлаться ея двигателемъ. А для этого—далѣе—необходима дѣятельность силъ самаго человѣка, усиліе его ума воспринять въ себя и уяснить начала жизни, возвѣщенныя Христомъ, необходима въ нѣкоторой степени самодѣятельность, потому что только посредствомъ нея человѣкъ можетъ внѣ данное откровенное сдѣлать своимъ собственнымъ, личнымъ, внутренно присущимъ себѣ. Но при этомъ, съ другой стороны, необходимо, чтобы божественная истина осталась именно божественною, неизмѣнною и тожественною; а для этого дѣятельность силъ человѣка при усвоеніи христіанства необходимо должна быть ограничена; иначе начало человѣческое, усвояя христіанство, можетъ

внесть въ элементъ божественный свое собственное и тѣмъ измѣнить его сущность, можетъ не столько проникаться божественнымъ, сколько проникать его своими собственными взглядами. Какимъ же образомъ согласить эту самодѣятельность человѣка при усвоенiи христiанства и неразлучное съ нею разнообразiе въ воззрѣнiяхъ съ неизмѣнностiю Божественной истины? Вопросъ очень трудный, касающiйся отношенiя разума къ вѣрѣ. Мы уже видѣли, какъ рѣшили его римское католичество и протестантство. Первое своими постановленiями уничтожило самодѣятельное участiе со стороны человѣка въ усвоенiи себѣ христiанства. Оно лишило сыновъ своихъ чтенiя и толкованiя Слова Божiя и Богослуженiя, заставляя ихъ механически воспринимать сообщенное имъ, безъ разумнаго пониманiя и усвоенiя. Протестантство съ своей стороны рѣшило вопросъ совершенно противоположно этому, сдѣлавши каждаго вѣрующаго неограниченнымъ судьей въ пониманiи и усвоенiи божественной истины; въ немъ уже уничтожено все, что могло бы сдерживать самодѣятельность человѣческаго элемента при проникновенiи его божественнымъ началомъ жизни и предохранило бы послѣднее отъ искаженiя со стороны перваго. Только одно православiе представляетъ самое удовлетворительное рѣшенiе этого вопроса. Оно никогда не смотрѣло на человѣческiй элементъ, какъ на что то мертвое, способное къ одной пассивной, чисто страдательной роли. Какъ въ Искупителѣ человѣческое естество церковь признаетъ не чѣмъ то призрачнымъ, преходящимъ явленiемъ, а дѣйстительнымъ естествомъ, природой; точно также и въ церкви православiе признаетъ человѣческiй элементъ дѣятельнымъ, могущимъ дѣятельно усвоять себѣ христiанство. Оно никогда по этому не требуетъ отъ сыновъ своихъ вѣры слѣпой, безотчетной, никогда не удаляетъ ихъ отъ непосредственнаго отношенiя къ началу Божественному, не лишаетъ ихъ чтенiя и пониманiя Слова Божiя, переводя его на языки тѣхъ наро-

довъ, которые должны воспринимать божественную истину. По этому съ самыхъ первыхъ временъ христіанства именно въ той половинѣ церкви вселенской (*), за которой осталось названіе православной, мы видимъ непрерывную дѣятельность человѣческаго элемента въ усвоеніи христіанства, видимъ рядъ самыхъ напряженныхъ усилій уяснить, сколько возможно, самые сокровенные христіанскіе догматы. У каждаго отца церкви мы встрѣчаемъ взглядъ на ученіе церкви — болѣе и болѣе уясняющій сущность и глубину христіанства — необходимое слѣдствіе собственной глубокой ихъ дѣятельности при усвоеніи христіанства, и конечно только этимъ путемъ оно можетъ перейти въ убѣжденія, въ искреннюю вѣру человѣка, только этимъ путемъ можетъ проникнуть собой весь строй мыслей и дѣйствій человѣческихъ. Съ этой точки зрѣнія православіе ближе къ протестантству, чѣмъ католичеству. Оно, какъ и это, требуетъ отъ сыновъ своихъ вѣры разумной (отъ тѣхъ, конечно, которые могутъ имѣть ее по степени своего образованія) сознательной; но съ другой стороны между протестантствомъ и православіемъ огромная разница. Давая человѣку свободу изучать христіанство, вникать и выяснять его себѣ, православіе имѣетъ самую прочную гарантію противъ того, чтобы человѣческій разумъ не переступилъ своихъ границъ и не измѣнилъ въ сущности божественной истины, чтобы человѣческій элементъ не взялъ преобладанія надъ божественнымъ и не низвелъ богопреданной истины до уровня своихъ собственныхъ воззрѣній и мнѣній. Въ протестантствѣ нѣтъ, какъ мы видѣли, этой

(*) Церковь западная не трудилась надъ уясненіемъ идеи христіанства. Она принимала только то, что опредѣляла церковь восточная; первые вопросы, возникшіе въ западной церкви, касались не сущности христіанства, а внѣшней практической его стороны: праздниковъ, обрядовъ. Этимъ отличается исторія западной церкви отъ восточной и въ этомъ можно думать — заключается причина, почему церковь западная, непотрудившись сама уяснить себѣ идею христіанства, приняла потомъ одностороннее направленіе.

гарантіи. Въ католичествѣ ее составляетъ папскій авторитетъ, авторитетъ личнаго мнѣнія папы, мнѣнія человѣческаго, который поэтому и не можетъ имѣть безусловной обязательности для другихъ личныхъ мнѣній въ дѣлѣ вѣры, принадлежащихъ христіанамъ безъ ультрамонтанскаго взгляда на папскую непогрѣшимость. Въ чемъ же состоитъ эта гарантія въ православіи? Она состоитъ во вселенскомъ церковномъ авторитетѣ, слагающемся изъ голоса древней церкви — преданія — и живаго сознанія церкви того времени, въ которое возникаетъ какое либо ученіе, въ которомъ человѣческое мудрованіе беретъ перевѣсъ надъ божественною истиною. Изъ и сторіи церкви мы видимъ, что какъ скоро возникаетъ какое либо несогласное съ нею ученіе, тотчасъ же начинаются соборы, первоначально въ той церковной области, которой ближе всего оно касается, а потомъ и въ другихъ церквахъ,— соборы, которые на основаніи преданія и живаго суда церкви отвергаютъ это ученіе, какъ не православное и судомъ всей, (если это ученіе касается существенныхъ истинъ христіанства) или помѣстной церкви заставляютъ впавшаго въ заблужденіе отказаться отъ своего ученія или въ случаѣ нераскаянности извергаютъ его изъ общества вѣрующихъ. Таковъ— въ краткихъ чертахъ — способъ теоретическаго усвоенія вѣрующими христіанства въ церкви православной. Онъ допускаетъ и дѣятельность человѣческихъ силъ, но въ тоже время ограждаетъ божественную истину отъ искаженія со стороны воспринимающихъ ее. Вслѣдствіе перваго обстоятельства въ православіи возможны мнѣнія о предметахъ вѣры, силящіяся обнять и выяснить ихъ съ той или другой стороны, но по человѣческой ограниченности не способныя обнять божественную истину во всей ея всесторонности. Такія частныя мнѣнія мы находимъ у всѣхъ замѣчательныхъ отцевъ особенно древней церкви и она никогда не смотрѣла на нихъ, какъ на что то не законное и несообразное съ духомъ христіанства, если только этимъ

мнѣніямъ — результату самодѣятельности человѣка при усвоеніи христіанства — не хотѣли придавать высшаго значенія и если онѣ не противорѣчили духу христіанства; въ противномъ случаѣ онѣ давали начало ересямъ (отсюда такое множество ересей въ греческой церкви). — Божественная истина, будучи живо и искренно воспринимаема и усвоема людьми различныхъ настроеній, не могла не разнообразиться въ своихъ отраженіяхъ въ ихъ сознаніи сообразно съ характеромъ воспринимающихъ лицъ; преобразуя ихъ жизнь по своему духу, она отражалась въ ихъ умахъ и жизни тою или другою своею стороною; отъ этого и церковная жизнь, одинаковая по единству духа и вѣры, принимала въ различныхъ мѣстахъ нѣкоторые оттѣнки. Ихъ находимъ мы въ древней церкви въ различіи направленій, которыя принимала христіанская образованность (напр. на Востокѣ и на Западѣ), въ различіи нѣкоторыхъ обрядовъ, праздниковъ, церковной дисциплины. Всѣ эти разности были естественнымъ результатомъ дѣятельности человѣческихъ силъ при живомъ и свободномъ усвоеніи христіанства. Такъ какъ вся внѣшняя сторона церкви служитъ выраженіемъ внутренней ея жизни, то по этому православіе никогда не смотрѣло на обряды и всю внѣшнюю сторону церкви какъ на нѣчто неизмѣнно-вѣчное. Оно строго различаетъ божественное отъ человѣческаго, и въ томъ, что относится къ послѣдней сторонѣ церкви, возможно разнообразіе, потому что возможна измѣняемость. Первое уклоненіе римской церкви въ томъ и состояло, что она мѣстнымъ своимъ обрядовымъ установленіямъ и правиламъ внѣшняго благоустройства церкви пыталась и прежде, а потомъ рѣшительно вздумала придать значеніе установленій обязательныхъ для всѣхъ церквей, установленій богопреданныхъ и потому всюду долженствующихъ быть неизмѣнными. Православіе всегда чуждается такого узкаго взгляда и стремясь по возможности къ однообразію и относительно внѣшней стороны цер-

кви, особенно въ таинствахъ, оно допускаетъ мѣстныя въ ней разности (напр. различныя — по формѣ — Литургіи въ древней церкви, различіе въ праздновапіи Пасхи и т. п.) и неразрываетъ изъ за нихъ церковнаго мира и единства лишь бы имъ не придавали раскольническаго значенія.— Вслѣдствіе церковнаго помѣстнаго и вселенскаго—высшаго въ дѣлѣ законодательства и суда— авторитета ни одно человѣческое мнѣніе, болѣе или менѣе всегда одностороннее, не можетъ въ православной церкви возвести себя на степень истины Божественной и придать себѣ значеніе послѣдней. Такимъ образомъ границы между божественнымъ и человѣческимъ въ церкви православной стоятъ, какъ говоритъ Кирѣевскій, твердо и ненарушимо. „Какъ бы нистремилось вѣрующее мышленіе согласить вѣру съ разумомъ, но оно — въ церкви православной — никогда не приметъ никакого догмата откровенія за простой выводъ разума, никогда не присвоитъ выводу разума авторитета откровеннаго догмата. Никакой патріархъ, никакое собраніе епископовъ, никакое соображеніе ученаго— при вселенскомъ церковномъ авторитетѣ— не могутъ прибавить новаго догмата, какъ это возможно въ церкви римской — вслѣдствіе личнаго авторитета папскаго, замѣнившаго собой вселенскій авторитетъ,— ни измѣнить прежній.“ (Т. II-й) Поэтому догматика церкви православной была и должна быть всегда чистою отъ всякихъ примѣсей человѣческаго разума; это неотъемлемое достоинство православія, въ которомъ не могутъ отказать ему ни католики, ни протестанты. Такимъ образомъ допуская самодѣятельность при усвоеніи христіанства, православіе дѣлаетъ возможнымъ и дѣйствительнымъ— при извѣстномъ состояніи образованія— уясненіе христіанскаго сознанія; а признавая вселенскую только церковь — на вселенскихъ соборахъ — непогрѣшимымъ судьею въ дѣлѣ вѣры, оно ограждаетъ божественную истину отъ всякихъ измѣненій со стороны частныхъ лицъ и помѣстныхъ церквей.

Такимъ же характеромъ гармоніи божественнаго и человѣческаго отличается и православное ученіе объ отношеніи благодати къ силамъ человѣка. Въ католичествѣ, какъ мы видѣли, слишкомъ много приписано значенія упражненіямъ воли человѣка въ добрѣ; въ протестантствѣ, на оборотъ, отнято у христіанина всякое собственное его участіе въ дѣлѣ спасенія, которое даруется одною благодатію безъ всякаго его содѣйствія, по какому то фаталистическому закону, однихъ спасающему, другихъ обрекающему на гибель. Православіе здѣсь совершенно чуждо той и другой крайности. Оно учитъ, что—въ смыслѣ предлежательномъ спасеніе человѣка единственно зависитъ отъ оправданія Христова; но православіе строго различаетъ предлежательное и подлежательное условія спасенія—которыя смѣшаны въ протестантствѣ,—и признавая безусловную необходимость перваго, въ послѣднемъ различаетъ божественное и человѣческое. Оно учитъ, что для усвоенія человѣку искупленія необходима благодать; но ею не исключается участіе и самаго человѣка въ дѣлѣ его собственнаго спасенія: потому что благодать дѣйствуетъ не принуждая и неподавляя человѣческой свободы; въ волѣ человѣка принять благодать, повиноваться ея внушеніямъ и добрыми своими дѣлами возгрѣвать благодатные дары или ожесточеніемъ сердца отвергнуть ее отъ себя. Въ православіи спасеніе человѣка прежде всего зависитъ отъ благодати, а потомъ уже отъ самаго человѣка. Двѣ доли въ дѣлѣ спасенія—первая и послѣдняя—принадлежатъ Богу, а въ срединѣ самъ человѣкъ, текущій на поприще: — вотъ въ короткихъ чертахъ православное ученіе о благодати, чуждое и протестантскаго фатализма, уничтожающаго свободу въ человѣкѣ и католическаго полупелагіанизма; а потому нѣтъ въ немъ и крайностей того и другаго, указанныхъ нами выше.

Согласно съ такимъ ученіемъ о благодати, не исключающемъ и содѣйствіе самаго человѣка въ дѣлѣ спасенія,

и съ общимъ характеромъ православія, и ученіе о церкви и ея управленіи. Божественное право учить, священнодѣйствовать и управлять принадлежитъ пастырямъ; но Божественное дѣйствованіе, принадлежащее имъ однимъ въ церкви, не исключаетъ и содѣйствія человѣческаго. Православная мысль, опредѣлившая ѵпостасное единеніе естествъ въ Іисусѣ Христѣ безъ смѣшенія и раздѣленія того и другаго, и въ церкви Божественное и человѣческое поставила въ такую же гармонію, не перенося на паству того, что принадлежитъ ея пастырямъ, какъ это въ протестантствѣ, и не перенося правъ, которыми должна пользоваться паства, исключительно на пастырей, какъ въ католичествѣ. Въ церкви православной какъ паства не присвоиваетъ себѣ права быть органомъ божественной благодати (напр. поставлять себѣ пастырей), такъ и пастыри не отнимаютъ у вѣрующихъ мірянъ того, что принадлежитъ имъ, какъ людямъ и какъ христіанамъ и не поставляютъ ихъ въ чисто страдательное, мертвенное положеніе, на какое обрекается паства въ католичествѣ. Паства въ церкви православной можетъ содѣйствовать своимъ пастырямъ, какъ въ ученіи (каждый христіанинъ долженъ самъ по возможности усвоять себѣ ученіе Христово подъ руководствомъ пастырей и можетъ распространять его и словомъ и примѣромъ), такъ и въ священнодѣйствіяхъ, содѣйствуя благотворному ихъ дѣйствію молитвою (Православіе всегда чуждо было католическаго ученія, что спасительное дѣйствіе благодати въ таинствахъ зависитъ единственно ex opere operato; для этого требуется и собственное предрасположеніе вѣрующихъ воспринять и сохранять въ душѣ дѣйствующую на нее благодать), такъ наконецъ и въ церковномъ управленіи (церковные старцы). Рукополагать пастырей есть право Божественное, принадлежащее исключительно облеченнымъ имъ; но въ избраніи пастырей допускается участіе и народа, и его голосъ, если въ немъ не слышно только страсти или какихъ либо раз-

счетовъ, всегда уважается въ церкви православной. Вслѣдствіе этого между пастырями и паствой возможна и должна быть духовная связь, духовное родство и сочувствіе, условливающее собой самое благотворное дѣйствованіе первыхъ на послѣднюю. При такомъ гармоническомъ отношеніи Божественнаго и человѣческаго, церковь православная по преимуществу предъ всѣми церквами является живымъ организмомъ, въ которомъ между всѣми членами есть внутренняя связь, въ которомъ голова не можетъ сказать своимъ нижнимъ членамъ: вы мнѣ не нужны, ни на оборотъ; и это живое единство всей церкви выражается на соборахъ, на которыхъ вмѣстѣ съ пастырями, хотя съ различными правами, присутствуютъ и міряне. Но какъ это участіе паствы въ дѣлахъ церковныхъ основано на правѣ человѣческомъ; то естественно оно можетъ измѣняться какъ въ объемѣ, такъ и въ формѣ; поэтому мы и видимъ, что съ извѣстнаго времени это непосредственное участіе паствы замѣняется участіемъ правительства въ церковномъ управленіи. Нечего и говорить при этомъ, что церковь Православная всегда чужда была католическаго стремленія подчинять себѣ государственную жизнь и лишать ее самостоятельности, предоставляя полную свободу выражаться ей въ формахъ естественно выработываемыхъ историческою жизнію народа и стараясь только послѣднюю проникать христіанскими началами жизни. Не смѣшивая никогда божественнаго съ человѣческимъ, церковь, соединяясь съ государствомъ своей внутренней или только внѣшней стороной, не облекаетъ характеромъ церковности мірскихъ устройствъ; но, проникая всѣ умственныя и нравственныя убѣжденія людей, невидимо ведетъ государство къ осуществленію высшихъ христіанскихъ началъ, не мѣшая его естественному развитію.

Наконецъ и въ Богослуженіи указанный нами характеръ православія выражается соотвѣтственнымъ образомъ, въ соединеніи формы съ духомъ. Православіе не отвергаетъ

и обрядовъ, какъ требуемыхъ человѣческою природою; но придаетъ значеніе исполненію ихъ настолько, насколько оно служитъ выраженіемъ внутренняго служенія Богу. Соблюдая гармонію Божественнаго и человѣческаго, церковь Православная не развиваетъ церковно-Богослужебной внѣшности настолько, чтобы приковывать вниманіе вѣрующихъ на наружной только своей обстановкѣ и дѣйствовать на нихъ слишкомъ человѣчески, производя сильныя возбужденія и еффекты. По этому церковная обрядность не должна естественно въ Православіи разростаться въ такихъ огромныхъ размѣрахъ и принимать такую пышность и церемоніальность, какъ въ католичествѣ; но отличается большею простотой и естественностью, какъ естественное выраженіе внутренняго служенія Богу. Таковъ характеръ Православія.

Ѳед. Елеонскій.

VI.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Прощаніе Платона, Архіепископа Рижскаго, а нынѣ Донскаго, съ Рижскою паствою. Вотъ, что сообщено объ этомъ въ „*Домашней Бесѣдѣ*.“

Изъ Риги.

10-го апрѣля 1867 года.

Вчера, по совершеніи въ послѣдній разъ въ здѣшнемъ каѳедральномъ Петропавловскомъ соборѣ богослуженія и напутственнаго молебствія, простился съ нами бывшій рижскій архіепископъ Платонъ. Собираясь въ путь, онъ почти всѣ воскресные дни служилъ въ которой либо изъ здѣшнихъ церквей, и въ

каждой повторялось умилительное зрѣлище привязанности паствы къ своему архипастырю. Когда протодіаконъ провозглашалъ на ектеніи: „преосвященнаго Платона архіепископа донскаго и новочеркасскаго,— этотъ чуждый титулъ грустно отзывался въ сердцѣ народа; въ первый разъ могучій голосъ протодіакона задрожалъ, и прервался на словѣ *донскаго;* онъ зарыдалъ какъ ребенокъ. Какъ только разнеслось извѣстіе о переводѣ преосвященнаго, начались всеобщія приготовленія къ его проводамъ и подписки на прощальные ему подарки. Тридцать восемь русскихъ дамъ (желающихъ участвовать было гораздо болѣе, но нужно было ограничиться означеннымъ числомъ), въ продолженіе двухъ недѣль изо-дня въ день, съ ранняго утра до поздней ночи, сидѣли надъ вышиваніемъ большаго ковра, который и поднесли ему въ день его ангела, 5-го апрѣля, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ, написаннымъ на этотъ случай и оканчивающимся благодарностью за труды архипастыря на „нивѣ новой.“

Преосвященный отклонилъ прощальный обѣдъ, который хотѣли дать ему всѣ русскія сословія въ русскомъ общественномъ домѣ „Улей“; но принялъ обѣды отъ семинаріи и отъ духовенства, такъ какъ они имѣли какъ бы семейный характеръ. Надобно знать, что рижская православная семинарія есть созданіе преосвященнаго Платона, при основаніи которой онъ сдѣлалъ очень значительный вкладъ, для выдачи процентовъ въ награду лучшимъ студентамъ.

Эти послѣдніе дни разлуки съ архипастыремъ

были чуть ли не единственнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ между русскими; разсказывали другъ другу со слезами, какъ преосвященный, будто отходя въ другую жизнь, раздавалъ невеликое свое имущество. Рижскому петропавловскому братству, недавно имъ основанному, далъ онъ вкладъ 100 р.; оставилъ въ распоряженіе консисторіи одинъ билетъ внутренняго съ выигрышами займа, для вспоможенія процентами или выигрышемъ бѣднымъ священно и церковнослужителямъ, служащимъ при семинаріи и консисторіи; одинъ билетъ съ такимъ же назначеніемъ для вдовъ и сиротъ духовнаго званія; еще одинъ — для бѣднѣйшихъ Эстовъ и Латышей, и наконецъ одинъ — на содержаніе бѣднѣйшихъ воспитанниковъ семинаріи духовнаго званія. Русское купечество поднесло преосвященному Платону адресъ, подписанный 121 человѣкомъ; тамъ, между прочимъ, сказано: „Кто болѣе васъ, владыко, заботился о просвѣщеніи своей паствы? Кто болѣе васъ жертвовалъ на заведеніе и поддержаніе училищъ? Кто болѣе васъ не щадилъ и явныхъ и тайныхъ жертвъ на вспомоществованіе бѣдныхъ братіи нашей, на учрежденіе русскаго благотворительнаго общества? Вы насъ учили, какъ нужно вести службу государству; учили, какъ намъ быть достойными русскаго имени гражданами, и первый благословили, поощрили и ходатайствовали о скорѣйшемъ осуществленіи тѣхъ русскихъ обществъ, кои способствовали бы соединенію насъ, Русскихъ, до сего бывшихъ разрозненными. Одушевленные святою ревностію къ вѣрѣ, вы показали намъ, каковъ долженъ быть союзъ общества съ Церковію; основали намъ

братство, да укрѣпляемся въ Православіи и да несемъ помощь нуждающимся въ пищѣ духовной и матеріальной“ и т. д.

Вчера общество русскихъ Рижанъ предъявило преосвященному Платону о поднесеніи ему архипастырской трости (на золотомъ набалдашникѣ которой будутъ выгравированы: видъ рижскаго Петропавловскаго собора и слова: „Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы“) и альбомъ на 200 фотографическихъ карточекъ съ гравированнымъ видомъ архіерейскаго дома съ церковію (оба предмета заказаны Сазикову). Наконецъ испросили благословеніе на составленіе капитала для учрежденія одной стипендіи подъ именемъ *Платоновской* при здѣшней духовной семинаріи (болѣе половины капитала уже собрано). Духовенство поднесло ему икону святыхъ первопрестольныхъ апостоловъ Петра и Павла въ прекрасномъ серебряномъ окладѣ.

Окончу это письмо описаніемъ потрясающаго зрѣлища, которое представляла соборная церковь во время произнесенія преосвященнымъ прощальной рѣчи.

По окончаніи молебствія, преосвященный вышелъ изъ олтаря царскими вратами, облеченный въ святительскую мантію, и, положивъ троекратный земной поклонъ предъ мѣстною иконой Спасителя, обратилъ послѣднее слово къ бывшей своей паствѣ. Послѣ словъ: „долженъ теперь разстаться съ вами, можетъ быть на вѣки“, — всѣ залились слезами; когда же произнесены были слова: „умѣрьте вашу скорбь о разлукѣ со мною и отпустите меня съ миромъ,“—общій

плачъ превратился въ громкое рыданіе; самъ преосвященный отъ волненія и слезъ долженъ быть на нѣкоторое время прервать свою рѣчь. Но что было, какъ вслѣдъ за тѣмъ, сказавъ: „если же я неумышленно оскорбилъ кого словомъ, дѣломъ или мыслію, то смиренно прошу простить меня по-христіански,“— преосвященный старецъ повергся ницъ предъ своею паствой! Стономъ застонала вся церковь. Такихъ минутъ не много бываетъ въ жизни...

Счастливый тебѣ путь, доблій старецъ! Счастливый тебѣ путь на *тихій* Донъ! *Р. Р.*

РѢЧЬ

ПО СЛУЧАЮ ПЕРЕВОДА АРХІЕПИСКОПА ПЛАТОНА ИЗЪ РИЖСКОЙ ВЪ ДОНСКУЮ ЕПАРХІЮ, СКАЗАННАЯ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВОМЪ ПРИ ПОСЛѢДНЕМЪ СЛУЖЕНІИ ЕГО ВЪ РИЖСКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ 9-ГО АПРѢЛЯ 1867 ГОДА.

Возлюбленнные мои братія и чада!

Вамъ извѣстно, что по волѣ Благочестивѣйшаго Государя нашего, или, лучше сказать, по распоряженію самаго Господа, дѣйствующаго на землѣ чрезъ Помазанниковъ Своихъ, я переведенъ изъ здѣшней въ другую епархію. Нынѣ я совершилъ въ семъ храмѣ послѣднее служеніе мое и долженъ теперь разстаться съ вами, быть можетъ, на вѣки....

Болѣе 18-ти лѣтъ управлялъ я рижскою епархіей и, могу сказать по совѣсти, старался привесть ее въ

надлежащее благоустройство. Сколько при этомъ имѣлъ я заботъ, трудовъ и разныхъ огорченій, считаю излишнимъ объяснять теперь. Но, къ сожалѣнію, мои заботы и труды не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ; и я оставляю теперь рижскую епархію не въ томъ состояніи, въ какомъ хотѣлъ видѣть ее. Молю Господа, чтобы преемникъ мой, будущій архипастырь вашъ, былъ счастливѣе меня и успѣлъ достигнуть того, чего я желалъ для блага православной Церкви и чадъ ея въ здѣшнемъ краѣ.

Во все время управленія моего рижскою епархіей вы, братія, оказывали мнѣ любовь и послушаніе, а въ послѣднее время трогательно выразили сожалѣніе ваше о разлукѣ со мною, и теперь я вижу слезы, слышу рыданія ваши. Благодарю васъ, возлюбленные, за такую расположенность ко мнѣ, но скажу вамъ словами Спасителя: *не плачьте о мнѣ*. Почти 28 лѣтъ стоялъ я на стражѣ Православія въ западномъ и прибалтійскихъ краяхъ, и во все это время находился въ нелегкой борьбѣ съ разнороднымъ иновѣріемъ; а теперь довольно устарѣлъ, и силы мои стали ослабѣвать отъ лѣтъ и трудовъ. Поэтому бремя управленія такою епархіей, какъ рижская, и въ такомъ краѣ, какъ здѣшній, сдѣлалось для меня тягостнымъ, и я благодарю Бога и Всемилостивѣйшаго Государя нашего, что они сняли съ меня это бремя, и посылаютъ на служеніе въ такую мирную и благорастворенную страну, въ которой могу найти отдыхъ и успокоеніе для утомленнаго моего духа. Не плачьте и *о себѣ*, разлучаясь со мною; но утѣшайте

себя мыслію, что Господь, пекущійся о святой Своей Церкви, пошлетъ вамъ, вмѣсто меня, такого архипастыря, который, можетъ быть, будетъ лучше меня и благопотребнѣе для васъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ рижской епархіи. И такъ, умѣрьте вашу скорбь о разлукѣ со мною и отпустите меня съ миромъ.

Братія, я любилъ васъ искренно, отъ души желалъ вамъ добра и охотно дѣлалъ оное, по мѣрѣ средствъ моихъ. Не помню, чтобы я кому изъ васъ желалъ чего нибудь худаго, или намѣренно сдѣлалъ какую либо непріятность. Если же я неумышленно оскорбилъ кого словомъ, дѣломъ или мыслію, то смиренно прошу простить меня по христіански. А если кто изъ васъ, сверхъ чаянія моего, питаетъ непріязнь ко мнѣ, или сдѣлалъ что нибудь непріятное для меня, то я не только прощаю его, но и молю Господа отпустить ему такой грѣхъ.

Други мои, я не разъ внушалъ вамъ миръ и взаимную любовь: завѣщаю вамъ это и нынѣ, при послѣдней моей бесѣдѣ съ вами. Любите другъ друга искренно, какъ Богъ заповѣдалъ; помогайте одинъ другому въ нуждахъ и не ссорьтесь между собою. Вы составляете въ здѣшней странѣ *малое стадо,* притомъ слабое во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому живите между собою какъ можно дружнѣе, дѣйствуйте во всемъ единодушно, поддерживайте въ себѣ русскій духъ, будьте тверды въ Православіи и старайтесь благоугождать Господу исполненіемъ святыхъ Его заповѣдей: это дастъ вамъ такую крѣпость и силу, что вы, при помощи Божіей, будете непобѣдимы противъ всѣхъ явныхъ и тайныхъ враговъ нашихъ.

А вы, сослужители мои, *внимайте*, по заповѣди апостола, *себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святый поставилъ васъ блюстителями, пасти церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ Себѣ кровію Своею* *). Вы знаете, каковы обстоятельства пасомаго вами стада; знаете, какъ нужны вамъ нынѣ благоразуміе и бдительность, твердость духа и самоотверженіе; старайтесь же имѣть такія качества и будьте всегда дѣлателями непостыдными. Вы служили при мнѣ хорошо, я съ удовольствіемъ свидѣтельствую объ этомъ; а теперь, если можно, служите еще лучше, будьте еще внимательнѣе къ вашимъ паствамъ и всемѣрно старайтесь утвердить оныя въ святой нашей вѣрѣ, которой такъ не благопріятствуютъ обстоятельства здѣшняго края и духъ нынѣшняго времени. Не унывайте, а тѣмъ паче не ослабѣвайте въ исполненіи священныхъ вашихъ обязанностей отъ тѣхъ трудовъ и непріятностей, съ которыми сопряжено ваше служеніе, но укрѣпляйте себя надеждою на помощь Божію и дѣйствуйте на поприщѣ вашемъ мужественно, какъ подобаетъ добрымъ воинамъ Христовымъ. Помните слова Пастыреначальника нашего: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* **).

Я желалъ бы, возлюбленные, продолжить настоящую бесѣду мою, чтобы продлить удовольствіе послѣдняго свиданія съ вами; но мое слово изнемогаетъ отъ избытка чувствъ, волнующихъ нынѣ мое сердце, и время моего отшествія отъ васъ настало. И такъ простите!... Помяните меня иногда въ вашихъ

---

*) Дѣян. 20. 29.

**) Матѳ. 10, 22.

молитвахъ; а я никогда не забуду васъ, и сохраню любовь мою къ вамъ не только до гроба, но и возьму ее и во гробъ, предстану съ нею къ Отцу Небесному и буду вѣчно молить Его о вашемъ спасеніи. И нынѣ взываю къ Нему изъ глубины сердца моего: „Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей и утверди и, его же насади десница Твоя!“ Храни его, Господи, подъ кровомъ Твоимъ въ мирѣ и благоденствіи, озаряй и согрѣвай его лучами благодати Твоей; сотвори его плодоноснымъ на всякое дѣло благое; огради твоимъ промысломъ отъ всѣхъ золъ и напастей!“

Прощайте, возлюбленные! Благословеніе Божіе да будетъ надъ вами всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

Пріемъ въ г. Вильнѣ славянскимъ гостямъ, проѣзжавшимъ въ Москву на этнографическую выставку.

Вѣсть о проѣздѣ единоплеменныхъ и особенно единовѣрныхъ намъ славянъ чрезъ Вильну еще задолго до самаго проѣзда ихъ оживляла виленское общество. Живое участіе въ этомъ ожиданіи приняло и православное духовенство и духовно-учебныя заведенія въ Вильнѣ тѣмъ паче, что извѣстіями сообщалось, что въ числѣ славянъ ѣдетъ нѣсколько лицъ духовнаго сана. Наконецъ, желанный часъ встрѣчи насталъ; паровозъ 6-го мая въ 11 часу вечера привезъ дорогихъ гостей въ Вильну, гдѣ на платформѣ станціи они встрѣчены были здѣшнимъ обществомъ съ задушевными чув-

ствами братской любви и радости, радостными объятіями и цѣлованіемъ, при восторженныхъ крикахъ: „ура!“ Послѣ краткаго привѣтствія гости отправились въ отведенныя для нихъ помѣщенія — кто въ зданіе виленской гимназіи, кто — въ европейскую гостинницу, а православные священники пожелали провести ночь у своихъ духовныхъ виленскихъ. Изъ нихъ, Протоіерей изъ свободной Сербіи, членъ тамошней Духовной Консисторіи, и окружный благочинный Урошъ Милутиновичъ и священникъ съ военной границы Николай Бѣговичъ— оба извѣстные въ мѣстной наукѣ своими учеными, особенно по церковной исторіи, трудами, приняты были на радушный ночлегъ, съ любовію и почетомъ, въ келліяхъ о. Смотрителя Виленскаго дух. училища іеромонаха Смарагда, а священникъ Рафаилъ Кукичъ, „Консисторскій Совѣтникъ и Парохъ православнымъ въ Петрини сущимъ Сербомъ, яже въ войной границѣ—Хорватстей, такожде притяжатель Креста „piis meritis“, нашелъ теплый и по расположенію и по удобствамъ ночлегъ въ Литовской духовной Семинаріи, въ квартирѣ гг. профессоровъ оной Щербицкаго и Демьяновича. Только сильная дорожная усталость сомкнула уста путниковъ для спокойнаго сна: а — то разговорамъ, распросамъ, отзывамъ и т. под. не былобъ конца. Здѣсь мы узнали, что въ славянскихъ единовѣрныхъ намъ церквахъ Богослуженіе совершается по нашимъ же, пе-

чатаннымъ большею частію въ Московской Синодальной типографіи, Богослужебнымъ книгамъ. А отсюда понятно, что хозяева и гости разумѣли разговорную рѣчь другъ съ другомъ; мѣстные термины, непонятные кому либо, объяснялись извѣстными для обѣихъ сторонъ славянскими выраженіями.

На другой день, всѣ славяне, въ заготовленныхъ обществомъ экипажахъ, въ сопровожденіи распорядителей пріема, отправились осматривать городъ, занявшій ихъ своею древностію, разноплеменнымъ населеніемъ и разсказами о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ этого города и края; по осмотрѣ города большинство ихъ (въ томъ числѣ много римско-католиковъ и между ними три ксендза) отправились въ Православный Свято-Троицкій монастырь, гдѣ присутствовали у Бож. литургіи, совершенной Преосвященнымъ Игнатіемъ, Епископомъ Брестскимъ, викаріемъ Литовской епархіи. Протоіерей Милутиновичъ и священникъ Бѣговичъ слушали Бож. Литургію въ св. алтарѣ. Величіе Богослуженія и обрядовъ Православной Церкви, отлично — стройное пѣніе митрополичьихъ пѣвчихъ на правомъ клиросѣ, и семинаристовъ на лѣвомъ, родной, понятный для гостей, славянскій языкъ Богослуженія, строгій порядокъ и благочиніе во храмѣ, наконецъ, видъ благолѣпныхъ облаченій служащаго духовенства, его численность, и маститая сѣдинами и благоговѣніемъ наружность

священнодѣйствовавшаго архипастыря — произвели, видимо, благотворно—пріятное впечатлѣніе на славянъ, изъ которыхъ большая часть никогда не видала ничего подобнаго у себя дома. Въ особенности трогало души ихъ славянское пѣніе: мы слышали восторженные отзывы о немъ нѣкоторыхъ, а одинъ римско-католическій священникъ, обращаясь къ своему сосѣду, почти въ слухъ сказалъ: „тутъ живетъ Богъ."

По окончаніи обѣдни, принявъ при выходѣ изъ церкви архипастырское благословеніе, наши гости направились въ зданіе Литовской Духовной Семинаріи, помѣщающейся въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, и здѣсь—въ столовой залѣ, въ которой находились уже за столами воспитанники, встрѣчены были Ректоромъ Семинаріи и Настоятелемъ монастыря о. Архимандритомъ Іосифомъ; послѣ пасхальнаго Тропаря „Христосъ воскресе" и пасхальнаго свѣтильна „плотію уснувъ," весьма стройно пропѣтыхъ всѣми воспитанниками, о. Ректоръ сказалъ гостямъ, посѣтителямъ и своимъ питомцамъ краткую воодушевленную рѣчь, въ которой, между прочимъ, уяснилъ воспитанникамъ многознаменательность перваго съѣзда славянъ въ наше отечество вообще и посѣщенія ими г. Вильны и духовной православной семинаріи въ особенности, и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствовалъ это ихъ посѣщеніе, какъ радостное для русскихъ виль-

нянъ событіе. На эту, умилившую гостей и присутствовавшихъ тутъ русскихъ, рѣчь отвѣтилъ о. Протоіерей Урошъ Милутиновичъ благодарственнымъ словомъ „за вниманіе и любовь къ гостямъ со стороны здѣшнихъ русскихъ „старшихъ славянскихъ братій,“ выразилъ восхищеніе благолѣпіемъ нашего Богослуженія въ Россіи и удобствами образованія будущихъ пастырей для св. церкви, въ чемъ сильно и со скорбію нуждаются православные ихъ собратія за границей, заключивъ, что благословенная Россійская церковь всѣмъ этимъ обязана благочестію пастырей и народа, а въ особенности попеченіямъ Благочестивѣйшаго, Наисвѣтлѣйшаго во Царехъ, Императора Александра Николаевича, щедроты котораго обильно изливаются и на единовѣрныхъ имъ славянъ и ими благодарне чувствуются и исповѣдуются.“ Едва замолкъ взволнованный голосъ о. Протоіерея, неожиданно, какъ бы въ отвѣтъ на послѣднія слова маститаго гостя, запѣли воспитанники извѣстный гимнъ: „славься, славься, нашъ Русскій Царь, Господомъ данный намъ Царь Государь! Да будетъ безсмертенъ Твой Царскій Родъ, да Имъ благоденствуетъ Русскій народъ! Ура!“ Пѣніе было стройное и восторженное; впечатлѣніе на посѣтителей—сильно и глубоко! Галиційскіе Русскіе плакали... Другіе повторяли: „да будетъ тако;“ да здравствуетъ Великій Государь! да цвѣтетъ и здравствуетъ Россія и

всѣ славяне...“ Наконецъ, клики общаго одушевленія прервалъ Я. Ѳ. Головацкій, изъ Галиціи, профессоръ Львовскаго университета и каѳедральный протоіерей греко-унитскаго вѣроисповѣданія: сказавъ нѣсколько теплыхъ словъ семинаристамъ о значеніи воспитанія въ православномъ и національномъ духѣ, о племенномъ родствѣ ихъ съ славянами, въ особенности галицко-русскими, и о той благодарности, которую воспитанники должны имѣть къ своимъ воспитателямъ и начальникамъ, а особенно къ Великому Отцу отечества, заключилъ рѣчь выраженіемъ надежды, что связь единоплеменныхъ славянъ между собою теперь болѣе и живѣе скрѣпится. Въ отвѣтъ на это пропѣто воспитанниками и всѣми гостями: „Многая лѣта!“

По осмотрѣ семинаріи, въ которой просторныя комнаты и чистота возбуждали похвалу гостей и желаніе, чтобы у нихъ на родинѣ было хоть что либо подобное, гости зашли къ о. Ректору Архимандриту Іосифу на чашку чаю, и затѣмъ отправились съ визитами къ начальственнымъ и другимъ лицамъ. Принявъ торжественный отъ общества русскихъ обѣдъ, гости—славяне въ 12-мъ часу ночи отправились въ дальнѣйшій путь.

Замѣчательная жертва на пользу отечественнаго просвѣщенія.

Преосвященный Макарій, Архіепископъ Харьковскій, пріобрѣвшій учеными своими трудами почетную извѣстность, въ видахъ содѣйствія отечественному просвѣщенію, пожертвовалъ полученные имъ отъ изданія своихъ сочиненій 120,000 рублей билетами государственнаго банка, на выдачу изъ процентовъ съ сей суммы, послѣ его смерти, подъ его именемъ, за достойныя на русскомъ языкѣ сочиненія, какъ по предметамъ Богословскихъ наукъ и вообще духовнаго содержанія, такъ и свѣтскихъ, съ тѣмъ, чтобы въ одинъ годъ всѣ проценты отпускаемы были въ распоряженіе Святѣйшаго Сѵнода для раздачи премій за сочиненія перваго рода, а въ другой годъ поступали въ распоряженіе академіи наукъ, для раздачи премій за сочиненія послѣдняго рода, и чтобы такая очередь соблюдалась всегда и неизмѣнно.

Государь Императоръ, соизволивъ на учрежденіе означенныхъ премій, Высочайше повелѣлъ выразить преосвященному Макарію признательность Его Величества за такую заботливость о пользахъ отечественнаго просвѣщенія.

СОДЕРЖАНІЕ № 9.

Печат. дозвол. ценсоръ, Ректоръ Литовск. Дух. Семинаріи Архиманд. ІОСИФЪ.
15—31 Мая 1867 года. Вильна.

Въ Типографіи О. Блюмовича, на Рудницкой улицѣ въ домѣ Огинскаго.